

Пролог

Когда его вытащили из темницы, еще только-только наступало утро.

Он всю ночь простоял на коленях, дрожа от холода в белой сорочке, которую его заставили надеть. Несколько раз засыпал, но его будили, ткнув в бок стволом винтовки, и он продолжал свое бдение.

Все тело болело — практически так же, как болело всегда от тяжелой работы. Когда-то он был сильным и выносливым, а превратился... *вот в это*. Он видел узлы суставов на своих запястьях и пальцах. Ключицы выступали настолько сильно и остро, что могли бы, наверное, прорезать бумагу. Сегодня ему не дали даже обычной для этого времени суток горсточки риса. И воды тоже не дали.

«Это пост», — сказали ему, однако кто же будет поститься, если уже почти умирает с голода? Просто голод станет еще сильнее.

Он пытался не думать о еде. О том, как когда-то даже не волновался о времени следующей трапезы, обо всех бургерах, пиццах и сэндвичах, которые мог съесть в любое время дня и ночи. Картошка фри и пиво. Все то время сейчас казалось ему смутной грезой. Учеба. Девушки. Вечеринки. Европейский футбол и диско-гольф, и посиделки в баре — последние посиделки,

когда бар был битком набит его друзьями... Скучали ли они по нему? Заметили ли вообще его исчезновение?..

Боже, как же он сейчас хотел есть и спать!

А потом за ним пришли.

Шестеро мужчин были лишь теньями во тьме, но он знал, что у них есть дубинки и огнестрельное оружие — как обычно. Его вздернули на ноги, которых он уже даже не чувствовал, и заставили его топать, пока онемение не ушло. Это было так больно, что у него перехватило дыхание. Все казалось каким-то нереальным. «Это происходит не со мной. У меня есть своя жизнь. У меня есть семья. Я не могу быть здесь».

Его вывели из тесной будки, где он провел ночь. В небе, полускрытом кронами деревьев, брезжил слабый намек на рассвет, но вокруг все еще было так темно, что узник почти не видел землю, по которой ковылял, спотыкаясь. Музыка поднималась в воздух, словно туман. Весь клятый лагерь пел. Узнику этот гимн не был знаком: он воспитывался в католической традиции, и сейчас ему отчаянно хотелось молиться. Он не молился ночью, хотя ему приказывали это делать. «Боже, помоги мне, пожалуйста. Прошу тебя».

Камни на тропе глубоко резали его босые ступни, позади оставался кровавый след, но его тащили дальше, несмотря ни на что. Вниз по склону. Справа тянулась сплошная металлическая ограда, невероятно высокая и безликая. Крепкая стена, отгораживавшая лагерь от внешнего мира. Когда-то, когда он был совсем другим человеком, он думал, что сможет перелезть через эту стену. Шрамы от той попытки остались у него до сих пор.

«Может быть, они отпустят меня», — думал он. В глубине души он знал, что это неправда. Но не хотел этого знать, поэтому продолжил ковлять дальше, молясь и надеясь. Песня множества голосов затихала позади. Остались только он и верные с оружием в руках и молчанием на устах. Узник слышал только свое дыхание, хрипом отдающееся в его костлявой груди.

Деревья заслоняли слабый свет. Казалось, его ведут к могиле, и ему хотелось кричать, бежать, бороться, сделать *хоть что-нибудь*, потому что, черт побери, он был человеком, когда-то он был сильным, уверенным и бесстрашным, правда?

Он не побежал.

Лучше уйти тихо.

Холод был болезненным, словно укусы острых ледяных зубов. На узнике была только тонкая сорочка, и его руки и ноги снова начали неметь. Хвойный запах деревьев, наверное, должен был успокаивать, напоминая о рождественской елке, но узник ощущал лишь едкий запах собственного пота и страха. Во рту было сухо, словно туда напихали ватных подушечек. «Может быть, это мне снится, — думал он. — Может быть, все это сон, может быть, я напился в “Таверне Чарли” и проснусь в комнате общежития рядом с Брай, и все это окажется просто дурацким кошмаром...»

Брай. Его девушка. Он гадал, что она сейчас делает. Тосковала ли она по нему вообще?

Он подумал о своих родителях и о том, что они, должно быть, искали его — и ищут до сих пор...

Это было больно.

Он вышел из-под сени деревьев и остановился, глядя прямо перед собой. По воде небольшого озера бежала холодная рябь, рассвет окрашивал ее розовым. А еще там был водопад... он с ревом низвергался со скал вверху и разбивался в белую невесомую водяную пыль, парящую в воздухе. В этом облаке брызг танцевала едва заметная радуга.

Здесь, казалось, было теплее. И спокойнее.

Патер Том ждал у берега озера. Он был облачен в белую рубашку и белые брюки, его седые волосы отливали такой же белизной. Старческие волосы, старческое лицо, молодые темные глаза, которые, казалось, ведали все тайны Вселенной. Глаза святого, как любили говорить в Собрании.

Патер Том был долбаным безумцем.

— Брат, — произнес патер Том. — Добро пожаловать. Ты долго и плодотворно трудился, и, хотя пришел к нам как чужак, ты оставишь нас, навеки став частью нашей семьи. Сегодня ты будешь крещен и войдешь в Собрание, и куда бы ни пошел, ты всегда будешь одним из нас. Твоя прежняя жизнь ушла. Да начнется твоя новая жизнь!

— Новая жизнь, — произнес кто-то рядом, и остальные пробормотали то же самое. Узник стоял в оцепенении, ничего не понимая. Значит ли это, что его просто отпустят? Может ли такое случиться?

«Да, да, отпустите меня, чокнутые ублюдки! Отпустите меня, и я напрямик побегу к копам, и вы окажетесь в тюрьме так быстро, что даже Бог не будет знать, где вас искать!»

Так сказал бы тот человек, которым он когда-то был, сильный молодой человек, который боролся бы, кричал бы, верил бы, что может сделать что угодно. Пережить что угодно.

Но человек, которым он стал теперь, лишь дрожал, как ягненок на бойне. Он не мог заставить себя снова стать *тем* человеком.

Может быть, если он повинуется, в конце концов они его просто отпустят... И может быть, если все же уйдет отсюда, он никогда не скажет ни слова о том, что с ним случилось...

Он вместе с патером Томом вошел в воду по пояс. Он видел, что неподалеку начинается подводный обрыв, темно-синяя дыра, проделанная водой за века неустанный падения. Кто знает, насколько велика там глубина? Он стоял прямо на краю бездны. Было так холодно, что онемение прогнало из его тела даже способность дрожать. Так холодно, что вода начала казаться теплой.

Патер Том улыбнулся ему так, словно вообще не чувствовал холода, и сказал:

— Веришь ли ты в могущество Господа нашего Иисуса Христа и Отца Его небесного?

Он только кивнул — как будто шею свело судорогой. Это было больно. Ему ужасно хотелось спать.

— Тогда омойся в крови Агнца и возродись очищенным. Тебе пришлось потрудиться, чтобы обрести веру, но это позади. Отныне ты — святой Собрания.

Он не был готов к тому, что патер Том окунет его в воду; это было проделано быстро и умело, словно па-

тер делал это тысячу раз. Узник сопротивлялся, но Том удерживал его под водой в течение нескольких долгих секунд, прежде чем позволил снова вынырнуть в наполненный туманом утренний воздух.

Узнику хотелось кричать от холода и потрясения, но его охватило неимоверное облегчение. Он сделал это. Он выжил.

Он обратил лицо к восходящему солнцу и сделал глубокий судорожный вдох. «Я жив! Я жив! Я выберусь отсюда!»

— Господь с тобой, брат, — сказал патер Том. — Твое служение принесет нам спасение.

Узник не видел, как они подошли, но сейчас рядом с ним в воде стояли еще два человека, и он осознал, что что-то не так. Он попытался направиться к берегу. Но один из них схватил его за плечи, а второй склонился, уйдя под воду.

Узник почувствовал, что что-то сдавливает его тело, но не понимал, что это, пока не погрузил руки в воду.

Это была толстая длинная цепь, туго обвившая его талию, и патер Том защелкнул висячий замок, скреплявший ее.

Мужчины отпустили узника и отошли назад.

«Ты сказал, что отпустишь меня, что я начну новую жизнь!» — завывал голос в глубине его сознания. Узник стиснул зубы, ощущая прилив черного отчаяния от осознания того, что его ждет.

— Да благословит тебя Бог, святой! — произнес патер Том и столкнул его с края бездны.

Последнее, что увидел узник, — это тяжелый железный груз на конце цепи, увлекающий его вниз, и слабые проблески рассвета в воде наверху.

«Так холодно...»

Он ощутил, что опускается на дно среди белеющих костей. Легкие болели и пульсировали, и он внезапно вспомнил, как ребенком просыпался от кошмаров. Последнее, что пронеслось в его памяти — самое последнее, — это шепот матери: «Тише, малыш. Теперь все хорошо».

1

ГВЕН

Когда звонит мой личный телефон, я проверяю, от кого звонок. Укоренившаяся привычка. На этот номер я принимаю звонки только от шести человек. Конечно же, это Сэм Кейд. Маленький пузырек тепла лопаётся у меня внутри, когда я нажимаю кнопку и подношу телефон к уху.

— Привет, незнакомец, — говорю я, слыша мурлыкающие нотки в своем голосе.

— И тебе привет, — отвечает он с такой же хрипотцой. О, этот подтекст. Так сексуально! — Как дела?

— В данный момент? Совершенно никак, — говорю я и зеваю. Сейчас половина четвертого утра, и я уже три часа сижу в этой выстывшей машине, взятой напрокат, — если не считать короткой вылазки в соседний магазин, чтобы сходить в туалет и купить огромную порцию кофе, о которой я еще пожалею. — Я жду, чтобы этот тип начал действовать.

— Действовать как?

— Хороший вопрос.

— Ты не хочешь мне говорить? — В его тоне слышится удивленная усмешка.

— Ну, ты понимаешь, пока я не буду знать точно... Кстати, а что же ты не спишь в такой поздний час? Или ранний? Какой вариант правильный?

— Ранний. Мне нужно подготовить кое-какие бумаги на день, — отвечает Сэм. — Кстати, дети всё еще крепко спят. Я проверял.

Мои дети — моя жизнь, и он знает это. А еще Сэм хорошо знает, что он один из весьма немногих людей, кому я доверяю своих детей. Моя дочь, Ланни, в том сложном возрасте шестнадцати лет, которые ощущаются ею самой как двадцать. Мой сын, Коннор, слишком взрослый и одновременно слишком юный для своих тринадцати лет. Мои дети — не самые простые в общении люди.

И у них нет причины быть простыми. Они уже половину жизни несут тяжкое знание о том, что их отец был маньяком-убийцей, и не менее тяжкую ношу несправедливой людской ненависти — просто потому, что они его дети. Я хочу защитить их от всего мира. Конечно, я не могу этого сделать, но все еще хочу попытаться.

— Ты приедешь домой к шести? — спрашивает меня Сэм, и я вздыхаю. — Ладно, вполне честно. Ты хочешь, чтобы я перед уходом разбудил Ланни?

— Да, лучше включи это в свои планы. Мне не верится, что она встанет по будильнику и разбудит Коннора. Я напишу тебе сообщение, когда буду выезжать. — Мне хотелось бы дать моим детям поспать подольше. Им нужно вставать в семь, но для подростка лишний час сна — все равно что десять часов для меня.

Никто из них не захочет просыпаться, и еще меньше они захотят идти в школу, но они привыкли сталкиваться с неприятными ситуациями. Я наотрез отказалась переводить их на домашнее обучение. Их жизнь

будет невероятно трудной, учитывая прошлое нашей семьи. Я хочу, чтобы они уже сейчас научились, как с этим справляться, а не жили, укутанные в вату, до семнадцати лет, словно ценные фарфоровые куклки.

Вокруг водятся монстры.

Психотерапия несколько помогла нам всем. Я на несколько месяцев записала детей на индивидуальную терапию, потом на совместную, а мы с Сэмом посещали другого терапевта — как пара. Теперь мы раз в две недели ходим все вместе на семейные сеансы, и я осмеливаюсь думать, что все становится... лучше.

Если б еще не тот факт, что сам город ополчился против нас.

Я не совсем уверена, что именно заставило обитателей Нортонa категорически невзлюбить нас. Может быть, причиной тому ненамеренная, но затяжная война Сэма с бандой влиятельных жителей окрестных холмов, промышляющих наркодилерством. Отчасти виновата я — потому что согласилась на то проклятое телеинтервью. Обстановка чрезвычайно накалилась.

Это побудило некоторые СМИ еще сильнее взбаламутить стоячие воды Стилхауз-Лейк. Мне казалось, что я делаю хорошее дело, но в итоге я словно выпала на себя контейнер с мусором, лежавшим там десять лет.

Интернет-тролли возобновили свои нападения — неустанно и зловеще-радостно, как обычно. Мне всегда было трудно понять, что они получают от попыток разрушить мою жизнь, но надо отдать им должное: они очень настойчивы. Недавно я нашла на одном форуме сообщение, в котором говорилось, что их

цель — заставить моих детей совершить самоубийство в прямом эфире, перед камерой. Это просто зашкаливающий уровень социопатии, однако сомнений нет: такое тоже существует. И, как ни тревожно, это не редкость.

Это те, с кем нам приходится иметь дело ежедневно. Не хочу называть их монстрами: они просто скачающие, злые, лишенные эмпатии люди, которые просто избрали меня мишенью для своей злобы. В конце концов, я была замужем за Мэлвином Ройялом, известным серийным убийцей. Он убивал женщин ради забавы, так что, должно быть, я тоже каким-то образом за это в ответе. Нет, рой вездесущих троллей — не монстры. Я знаю монстров. Я сталкивалась с ними непосредственно — в том числе и с Мэлвином.

Я убиваю монстров. И пусть лучше они имеют это в виду.

Я разговариваю с Сэмом примерно полчаса, наслаждаясь теплом и уютom и загоняя поглубже отчаянную потребность побыть с ним — но мы оба знаем, что сейчас это невозможно. Из-за того, что косные жители Нортонa по большей части отвернулись от нас, Сэма больше не нанимают на строительные работы, и ему приходится ездить на заработки все дальше. И чем дольше поездки, тем меньше времени он бывает дома.

Я работаю на иногороднее детективное агентство, которое дает мне разнообразные задания в пределах той дальности езды, которую я обозначила сама. Я могу отказаться от того, с чем не в состоянии справиться или что мне не по душе. Но платят там хорошо, и я честно выполняю свою работу.